

УДК 821.161.1

М. А. Александрова

Научн. рук. – И. Н. Афанасьев, канд. филол. наук, доцент

ИНТИМНАЯ ЛИРИКА Б. ПАСТЕРНАКА В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ПУТИ

В статье прослеживается эволюция любовной темы в поэзии Б. Пастернака в контексте поэтического осмысления поэтом Литературоведение 8 феномена пути. Цель работы – проследить характер взаимодействия и взаимовлияния любовной тематики на развитие мотивной парадигмы пути. Объектом анализа стали поэтические сборники Б. Пастернака, а также весь корпус лирических произведений, не вошедших в сборники (набросков, других редакций и вариантов, черновиков), рассматриваемый в хронологической последовательности создания текстов.

Б. Пастернак является одним из знаковых авторов XX века. Как любой крупный художник слова Б. Пастернак постулирует в своем творчестве ряд своих философско-эстетических смыслов, один из которых зашифрован в индивидуальной интерпретации феномена пути. Понятие путь глубоко архетипично, но в каждом индивидуальном сознании проявляется не только общекультурные и национальные слои представлений, но и собственное, глубоко личное восприятие этого феномена. Тематика пастернаковской поэзии обращена на индивидуальностное восприятие окружающего мира, на выяснение духовных смыслов бытия. Жизненный и творческий путь человека, его духовный путь является философско-эстетической доминантой лирики Б. Пастернака, что и определяет характерную интимную тональность поэтического высказывания, лишенную гражданского пафоса, которого требовала эпоха. Любовная тематика является естественной составляющей размышлений поэта о смысле жизни и духовном становлении человека. И она также естественно смыкается с осмыслением феномена пути в пастернаковском творчестве. В этом отношении интересно проследить эволюцию любовной темы в поэзии Б. Пастернака. Фронтальный анализ поэтических сборников Б. Пастернака, а также корпуса лирических произведений, не вошедших в сборники (набросков, черновиков), осуществляемый с учётом хронологической последовательности создания текстов (или других редакцией и вариантов), позволил нам выделить несколько мотивных рядов, составляющих парадигму мотива пути: «путь как преодоление границы»; «путь – жизненный путь»; «путь как путь поэта». Каждый из указанных мотивных рядов вступает во взаимодействие с любовной тематикой. Для ранней лирики (1909–1923 гг.) наиболее репрезентативным является мотивный ряд преодоления границы. В контексте этого ряда любовь отображается моментом процессуального перехода границы, 9 перелома в духовном становлении, необходимым этапом «взросления» лирического героя: «Ты к чуду чуткость приготовь / И к тайне первых дней / Курится рубежом любовь / Между землёй и ней» [3, с. 427]. Подобный смысловой оттенок характерен для всего корпуса любовной лирики Б. Пастернака до 1917 г. В стихотворениях периода первых сборников «Близнец в тучах» и «Поверх барьеров» наиболее актуальной была поэтическая мысль о начале нового этапа жизни, о самоопределении, поэтому вся тематика, мотивно-образный комплекс подчиняется этой доминанте. В таком ключе любовь выступает не столько как живое чувство, сколько как одна из граней философской идеи об онтологической и гносеологической сути творчества. Для решения этого важнейшего на тот момент для Б. Пастернака вопроса им был выбран один из аспектов любовной темы – мотив любовной разлуки, причем разлука актуализируется не как таковая, переживается не «уход/смерть» любимой, а процесс угасания чувства любви самого лирического героя, где главным объектом поэтической фиксации становится преодоление им любовного испытания. Любовь в поэтической системе Б. Пастернака тесно связана с мотивно-образным комплексом природы. Природа как метаобраз у Б. Пастернака исключительно женственна, чувственна. В контексте заданного мотива любовной разлуки ореолом угасания чувства является

осень, осенний пейзаж. Угасание любви отождествляется с угасанием, умиранием осенней природы. Но как природа умирает осенью, чтобы ее плоды возродились весной, так и любовь не проходит бесследно, а насыщает в духовном смысле, ее плодами являются реализованные творческие усилия. Для иллюстрации возьмём несколько стихотворений этого периода: «Мне снилась осень в полумраке стекол...», «Вокзал», «С тех дней стал над недрами парка сдвигаться...», «Потели стекла двери на балкон». Композиционная структура стихотворений базируется на оси – осень (сон / прошлое / ирреальное пространство) – застывание времени (вплоть до его полной остановки) – стихание всех звуков (наступление тишины) – параллельное «стихание», «смолкание», «отбытие» любимой – пробуждение лирического героя (осознание им своего положения «за чертой» сна, мира, времени). Процесс угасания чувства сопровождается подчеркиванием границ на лексическом уровне: шум – тишина, гостиная (замкнутое пространство) – ветер (открытое пространство) и т. д. Именно в этом аспекте смысла мотива разлуки с любимой особенно сильна роль мотива сна. Сон как символ условной смерти – это то, что лирический герой преодолевает как некое Литературоведение 10 болезненное состояние. И именно после символического пробуждения для героя становится возможным «подобрать пути» или ключи к будущему. Сон в сопряжении с любовным мотивом в пастернаковском мире почти всегда символизирует окончательную разлуку, развитие сюжета стихотворения по оси сон – любовь – разлука очень устойчиво в поэтической системе раннего Б. Пастернака, и поэт снова к нему обращается в стихотворениях 1917–1918 гг., во второй части «Сестры моей – жизни» и в цикле «Разрыв» из «Тем и вариаций». Сборники «Сестра моя – жизнь» и «Темы и вариации» – знаковые страницы в творчестве Б. Пастернака, принесшие поэту настоящую известность. Сборники, несмотря на разность отношения к ним самого автора, теснейшим образом переплетены между собой, поэтому имеет смысл рассматривать их как единое целое. Сборник «Сестра моя – жизнь» насквозь пропитан особым пафосом любовного чувства. Но, несмотря на сильнейшую влюблённость, переживаемую не только лирическим героем, но и самим автором (сборник посвящен истории взаимоотношений поэта и Е. Виноград), Б. Пастернак как подлинный художник в центр своего поэтического осмысления ставит принципиально важные, фундаментальные вопросы бытия, развивая их на линии любовь – природа – жизнь. Сам сборник преподносится как роман в стихах, и, если читать сборник именно как роман, не упуская ни строчки, то можно увидеть, как философская идея о сути творчества ранних опытов Б. Пастернака перерастает в нечто большее. Читателю показан не один актуальный момент (угасание чувства), а весь интимный процесс перехода границы – от зарождения любви через ее переживание и угасание к творческим результатам, то есть к полному преодолению границы на пути духовного становления, отразившемся уже в «Темах и вариациях». Попробуем сжато передать содержание книги «Сестра моя – жизнь» и определить роль любовного чувства в решении мотива преодоления границы. Программное стихотворение «Сестра моя – жизнь, и сегодня в разливе» ставит сестру-жизнь (природу) и любимую рядом. Но любимая еще спит. Аллитерация «мигая, моргая» – «фата-морганой» передает зыбкость, неуловимость еще только зарождающегося чувства. Первым стихотворением, свидетельствующим о пробуждении любимой, является «Ты в ветре, веткой пробуешь», где происходит наложение образа любимой на образ природы. И дальше ликующее: «Она со мной!» [3, с. 119], что прочитывается как получение согласного ответа на чувства 11 лирического героя. Цикл «Книга степи» – гимн страсти, чувственной, обжигающей до болезненности: «Душа не береглась» [3, с. 122], и потому «горя горит» [3, с. 126]. «Книга степи», как и «Развлечение любимой», пронизаны эротичными образами: «И чуб касался чудной челки // И губы – фиалок» [3, с. 121]; «Губы и губы на звезды выменивать» [3, с. 129]. Однако эротика Б. Пастернака целомудренна и, перенесенная на природные образы, постулирует мысль, что подобный наплыв чувств происходит с каждым: «Это ведь может со всяким случиться!» [3, с. 129]. Это извечный закон жизни, которому все в природе подчиняется, и человеческая страсть так же естественна, как природная: «В траве терзается образчик» [3, с. 125]. В поэтической системе Б. Пастернака мотив любви тесно сопряжен с образами воды. Такое сопряжение берет свое начало

еще в античной традиции. Как отмечает А. Бредихина, «спасціжэнне грэкамі сакрэтаў мараходства нарадзіла новы матыў у паэзіі кахання – матыў адасаблення з каханай сярод вады» [2, с. 51]. Действительно, сборник «Сестра моя – жизнь» самый «водный» в творчестве Б. Пастернака. Образ лодки звучит достаточно традиционно, будучи используемым как в прямом смысле в качестве средств уединения с любимой, так и в переносном – как образ влюбленного сердца: «Лодка колотится в сонной груди» [3, с. 129]. Но у Б. Пастернака вода – это еще и символ творческого начала, «явленная тайна» [3, с. 48], «бассейн вселенной», оглушающий «мирами» [3, с. 133]. В этом отношении знаковым стихотворением является «Уроки английского», где Б. Пастернак сводит в один фокус несколько планов: с одной стороны (литературный план) – образы шекспировских героинь Дездемоны и Офелии, беззаветно любящих и готовых проститься с жизнью; с другой (объективный план) – чувственный образ купальщиц, входящих в воду; с третьей (внутренний план) – речь идет о «переходе в новое состояние духа», об «идее последнего откровения, приобщения к природе и вечности» [1, с. 79]. Так, Б. Пастернак через совмещение любовной темы, чувственных и природных образов выходит на решение своей задачи – преодоления границы между природой, творчеством, душой, жизнью, чему посвящает цикл «Занятия философией». Казалось бы, роман в стихах мог быть завершен, но нет: гармония, которой так добивается лирический герой, еще не достигнута. Попытка заставить любимую увидеть мир глазами лирического героя (как, например: «Расколышь же душу» [3, с. 142]), то есть попытка включить любимую в свою систему гармоничного мира, ни к чему не приводит. Разрыв неизбежен, и он происходит. Цикл «Попытка душу разлучить» Литературоведение 12 воспроизводит ситуацию «Марбурга»: разрыв («Дик прием был, дик приход») провоцирует такую сильную душевную боль, что все меняет свои полюса. Жизнь становится страшным сном, в котором мелькают «компрессы», «белый корпус клиники», где ревность настолько болезненна, что возможна даже к «полдню»: «Полдень... Блаженствует, соперник» [3, с. 158]. Как в «Марбурге», возвращение домой приносит душевное равновесие, так и «У себя дома» на лирического героя «веет впервые здоровьем» [3, с. 160]. В стихотворении «Елене» снова вступает в силу мотив сна-смерти в значении окончательной разлуки, а в последнем в сборнике стихотворении «Конец» повествуется о полном опустошении лирического героя, причиной которого является пережитая страсть. В «Темах и вариациях», создававшихся почти одновременно с «Сестрой моей – жизнью», еще раз обыгрывается мотив любовной разлуки. Стихотворения в сборнике расположены в неточно соблюденной обратной хронологии. Последний цикл сборника «Нескучный сад» включает стихотворения 1917–18 гг., отражающие ситуацию назревающего разрыва и соответствующие второй половине «Сестры моей – жизни». Сам цикл «Разрыв» еще раз повторяет «марбургский» маятник негативных переживаний от расставания, уход любимой в сон небытия и постепенное освобождение от любовных пут. «Снежные», «зимние» образы, сопровождающие это освобождение, из цикла «Разрыв» переходят в цикл «Болезнь» и становятся точками пересечения мотивов ночи и сна. Лирический герой через состояние сна и болезни словно переживает свою условную смерть. Свидетельством воскрешения являются циклы «Темы и вариации» и «Пять повестей», где поэтическая мысль окончательно преодолевает границы на оси природа – творчество – бессмертие. Любовь как явление, как феномен оказывается не включенной в эту ось. До сих пор любовь остается всего лишь этапом на пути становления. Момент, когда любовь станет полнозначной спутницей на жизненном пути, волеется в жизненный и творческий путь как неотъемлемая его часть, наступит почти через десять лет и отразится на страницах сборников «Второе рождение» и «Когда разгуляется». Поздняя лирика Б. Пастернака отличается еще большей интимизацией душевных переживаний. «Неслыханная простота», к которой стремился Б. Пастернак, отчетливее всего проявляется в любовных мотивах. В годы создания сборника «Второе рождение» в жизнь Б. Пастернака входит новая любовь, связанная с именем Зинаиды 13 Нейгауз. Новая любовь – уже качественно иное чувство. Знакомый мотив сна имеет противоположное значение. Сон в стихотворениях «Второго рождения» – это уже не тяжелое, болезненное состояние, мешающее раскрытию творческих сил, состояние, которое

нужно преодолеть. Напротив, это спокойный, естественный сон, которым «только в раннем детстве спят» [3, с. 385]. От него «легко проснуться и прозреть» [3, с. 396], и увидеть, что «Я объят открывшимся. Я на учете. Я на земле, где вы живете» [3, с. 385]. Здесь сон не приводит к разлуке: любимая «стала настолько мне жизнью» [3, с. 403], что разлука ничего не меняет, ведь важно только то, что «мы в воздухе одном» [3, с. 405]. Теперь лирическим героем владеет не страсть, не желание втянуть любимую на свою орбиту, а зрелое сильное чувство – желание сопричастности. Сопричастность, со-бытие в одном мире и измерении, согласный путь в одну сторону выявляется и на лексическом уровне: все чаще в лирике поздних лет звучит «мы», означающее совместное делание «согласья сочетаньем» [3, с. 400] «вседневного нашего бессмертья» [3, с. 418]. Уже нет нужды заставлять любимую увидеть мир так, как его видит лирический герой. Любимая сама заключает в себе целый мир. Она становится музой, которая «тянет в путь, // И тянет петь» [3, с. 401], «твое присутствие, как зов» [3, с. 405], и вместе с ней, рука об руку не только возможен, но и совершенно естественен жизненный путь до самого конца. Еще более глубокое понимание «женской стихии» раскрывается в немногочисленных стихотворениях любовной тематики в сборнике «Когда разгуляется». Любовь в поздней лирике Б. Пастернака преобразуется в явление еще более высокого порядка: «Пóшло слово любовь» [4, с. 77]. Действительно, слово любовь больше не передает того глубочайшего чувства, испытываемого лирическим героем, оно – без названия. Именно так называется стихотворение, передающее бесконечное благоговение и преклонение перед любимой: «Для тебя я весь мир, все слова, // Если хочешь, переименую» [4, с. 77]. Чувством благодарности ко всем женщинам, встреченным на жизненном пути лирическим героем, наполнено стихотворение «Женщины в детстве». Лирический герой благодарит за «присутствие женской стихии», за необходимость ее постигать и в процессе постижения расти – учиться самоотверженности и беззаветности любви. В одном из поздних стихотворений, не включенном в сборник, «Под открытым небом» Б. Пастернак вводит любовь «в общество звезд», окончательно и бесповоротно любовь помещается поэтом на ось любовь – природа – творчество – жизнь: «Любовью внушена // Вселенной небывалость // И жизни новизна» [4, с. 164].

Литературоведение 14 В заключение еще раз отметим вехи развития любовной темы в творчестве Б. Пастернака в ее соотношении с парадигмой пути. В ранней лирике мотивы любви выполняют функцию необходимого этапа жизненного пути. Этим можно объяснить некоторую условность образа любимой в первых сборниках Б. Пастернака. Преодоление границы, или испытание страстью на пути духовного становления происходит на страницах «Сестры моей – жизни» и «Тем и вариаций». Осознание феномена любви как чувства сопричастности, «согласья сочетанья» звучит в поздней лирике, где мотив любви вступает во взаимодействие с мотивами жизненного и творческого пути на линии любовь – творчество – бессмертие. В последних стихах поэта раскрывается высшая грань любви, ее сакральная предзаданность для человека на его духовном пути.

Список литературы 1 Альфонов, В. Поэзия Бориса Пастернака. Монография. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 368 с. 2 Брадзіхіна, А. В. Сучасная беларуская інтымная лірыка: тэндэнцыі ш перспектывы развіцця: манаграфія / А. В. Брадзіхіна; М-ва адукацыі РБ; Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2009. – 203 с. 3 Пастернак, Б. Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931 / редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачев, Д. Мамлеев и др.; вступ. статья Д. Лихачева; сост. и коммент. Е. Пастернак и К. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1989. – 751 с. 4 Пастернак, Б. Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Стихотворения 1931–1959; переводы / редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачев, Д. Мамлеев и др.; вступ. статья Д. Лихачева; сост. и коммент. Е. Пастернак и К. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1989. – 703 с.